

МАТЕРИАЛЫ К ЗАНЯТИЮ «ТИМУР КИБИРОВ. СТИХИ О РОССИИ. СОЗДАЁМ ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОЛЛАЖ»

ТИМУР КИБИРОВ

* * *

Мне в два раза больше, чем Китсу, лет.
На вопрос ребром не готов ответ.
Мог остаться перцем и огурцом,
Просвистать скворцом и прослыть спецом.

И буквально каждый свой каламбур
Размещать в ЖЖ, ждать комментов... Чур!
Чур меня, лукавый! Не так я плох,
Чтоб такую гибель послал мне Бог!

Впрочем, кто Его знает... Но Мать-Троеручница,
Уж она-то не даст мне настолько сосучиться
И заступится за своего паладина.
Своего осетина.
Сына.
Кретина.

* * *

Было ж время — процветала в мире наша сторона!
В Красном Уголке, бывало, люд толпился дотемна!
Наших деток в средней школе раздавались голоса.
Жгла сердца своим глаголом свежей «Правды»
полоса.
Нежным светом озарялись стены древнего Кремля.
Силомером развлекались тенниски и кителя.
И курортники в пижамах покупали виноград.
Креп-жоржет носили мамы. Возрождался Сталинград.
В светлых платьицах с бантами первоклассницы
смешно на паркетах топотали, шли нахимовцы в кино.
В плюшевых жакетках тетки.
В теплых бурках управдом. Сквозь узор листвы
нечеткий в парке девушка с веслом.
Юной свежестью сияла
тетя с гипсовым веслом,
и, как мы, она не знала,
что обречена на слом.

* * *

О доблести, о подвигах, о славе
КПСС на горестной земле,
о Лигачеве иль об Окуджаве,
о тополе, лепечущем во мгле.

О тополе в окне моем, о теле,
тепле твоём, о тополе в окне,
о том, что мы едва не с колыбели,
и в гроб сходя, и непонятно мне.

О чем еще? О бурных днях Афгана,
о Шиллере, о Фильке, о любви,
о тополе, о шутках Петросяна,
о люберах, о Спасе на крови.

О тополе, о тополе, о боли,
о валидоле, о юдоли слез,
о перебоях с сахаром, о соли
земной, о полной гибели всерьез.

О чем еще? О Левке Рубинштейне,
о Нэнси Рейган, о чужих морях,
о юности, о выпитом портвейне,
да, о портвейне! О пивных ларьках,

исчезнувших, как исчезает память,
как все, клубясь, идет в небытие.
О тополе. О БАМе. О Программе
КПСС. О тополе в окне.

О тополе, о тополе, о синем
вечернем тополе в оставленном окне,
в забытой комнате, в распахнутых гардинах,
о времени. И непонятно мне.

* * *

Их-то Господь — вон какой!
Он-то и впрямь настоящий герой!
Без страха и трепета в смертный бой
Ведёт за собой правозащитной строй!
И меч полумесяцем над головой,
И конь его мчит стрелой!
А наш-то, наш-то — гляди, сынок —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у тех-то Господь — он вон какой!
Он-то и впрямь дарует покой,
Дарует-вкушает вечный покой
Среди свистопляски мирской!
На страсти-мордасти махнув рукой,
В позе лотоса он осенён тишиной,
Осиян пустотой святой.
А наш-то, наш-то — увы, сынок, —
А наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.

А у этих Господь — ого-го какой!
Он-то и впрямь владыка земной!
Сей мир, сей век, сей мозг головной
Давно под его пятой.
Вкруг трона его весёлой гурьбой
— Эван эвоэ! — пляшет род людской.
Быть может, и мы с тобой.

Но наш-то, наш-то — не плачь, сынок, —
Но наш-то на ослике — цок да цок —
Навстречу смерти своей.
На встречу со страшною смертью своей,
На встречу со смертью твоей и моей!
Не плачь, она от Него не уйдёт,
Никуда не спрятаться ей!

Эпилог

Короче — чего же ты все-таки хочешь?

Чего ты взыскуешь? О чем ты хлопочешь,
лопочешь, бормочешь и даже пророчишь
столь невразумительно, столь горячо?
в какие зовешь лучезарные дали?....

Ты знаешь, мы жили тогда на Урале,
тогда нами правил Никита Хрущев.
Но это не важно...
Гораздо важнее,
что были тогда мандарины в продмагах
ужасною редкостью... В общем, короче —
вторые каникулы в жизни, а я
болею четвертые сутки... Той ночью

стояли за окнами тьма и зима,
и Пермь незнакомая тихо лежала
в снегах неподъемных. И елка мерцала
гирляндой, и отражалась в шкафу
мучительно. И, в полусне забываясь,
я страшное видел и, просыпаясь,
от боли и ужаса тихо скулил,
боясь и надеясь сестру разбудить.

А чем я болел, и куда наша мама
уехала — я не припомню... Наверно,
на сессию в Нальчик. А папа в ту ночь
как раз оказался дежурным по части...

И жар нарастал,
и ночь не кончалась,
и тени на кухне все громче и громче
шушукались, крались, хихикали мерзко!

От них я в аду раскаленном скрывался,
под ватным покровом горел-задыхался...
и плавился в невыносимом поту...

Короче — вот тут-то, в последний момент —
я знаю, он был в самом деле последним! —

вот тут-то и щелкнул английский замок,
вот тут-то и свет загорелся в прихожей!
И папа склонился — «Ну как ты, сынок?» —
и тут же огромный шуршащий кулек
он вывалил прямо в кровать мне и тут же,
губами прохладными поцеловав
мой лоб воспаленный, шепнув — «Только Сашке
оставь обязательно, слышишь!», исчез...

Короче —
я весь в мандаринах волшебных лежал,
вдыхал аромат их морозный, срывал
я с них кожуру ледяную, глотал
их сок невозможный, невообразимый...

Сестре я почти ничего не оставил...

Короче —
вот это, вот это одно —
что мне в ощущениях было дано!

Вот эту прохладу
в горячем бреду
с тех пор я ищу

и никак не найду,
вот эту надежду
на то, что Отец
(как это ни странно)
придет наконец!

И все, что казалось
невыносимым
для наших испуганных душ,
окажется вдруг так легко излечимым —
как свинка, ветрянка,
короче — коклюш!

ТЕМА РОДИНЫ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

М.Ю. Лермонтов **Родина**

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья.

Но я люблю — за что, не знаю сам, —
Ее степей холодное молчанье,
Ее лесов безбрежных колыханье,
Разливы рек ее, подобные морям.
Проселочным путем люблю скакать в телеге
И, взором медленным пронзая ночи тень,
Встречать по сторонам, вздыхая о ночлеге,
Дрожащие огни печальных деревень.
Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи ночующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.
С отрадой, многим незнакомой,
Я вижу полное гумно,
Избу, покрытую соломой,
С резными ставнями окно.
И в праздник, вечером росистым,
Смотреть до полночи готов
На пляску с топаньем и свистом
Под говор пьяных мужичков.
Начало 1841

А.А. Блок **Россия**

Опять, как в годы золотые,
Три стертых треплются шлеи,
И вязнут спицы росписные
В расхлябанные колеи...

Россия, нищая Россия,
Мне избы серые твои,
Твои мне песни ветровые,-
Как слезы первые любви!

Тебя жалеть я не умею
И крест свой бережно несущий...
Какому хочешь чародею
Отдай разбойную красу!

Пускай заманит и обманет,-
Не пропадешь, не сгинешь ты,
И лишь забота затуманит
Твои прекрасные черты...

Ну что ж? Одно заботой боле -
Одной слезой река шумней
А ты все та же - лес, да поле,
Да плат узорный до бровей...

И невозможное возможно,
Дорога долгая легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенный взор из-под платка,
Когда звенит тоской острожной
Глухая песня ямщика!..
1908

Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?
Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма!
Эх, не пора ль разлучиться, раскаяться...
Вольному сердцу на что твоя тьма?

Знала ли что? Или в бога ты верила?
Что там услышишь из песен твоих?
Чудь начудила, да Меря намерила
Гатей, дорог да столбов верстовых...

Лодки да грады по рекам рубила ты,
Но до Царьградских святынь не дошла...
Соколов, лебедей в степь распустила ты -
Кинулась из степи черная мгла...

За море Черное, за море Белое
В черные ночи и в белые дни
Дико глядится лицо онемелое,
Очи татарские мечут огни...

Тихое, долгое, красное зарево
Каждую ночь над становьем твоим...
Что же маячишь ты, сонное марево?
Вольным играешься духом моим?
28 февраля 1910

С.А. Есенин

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты — в ризах образа...
Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звонно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».
1914

Спит ковыль. Равнина дорогая,
И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не вольет мне в грудь мою теплынь.

Знать, у всех у нас такая участь.
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуясь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.

Свет луны таинственный и длинный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.

И теперь, когда вот новым светом
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.

По ночам, прижавшись к изголовью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет новью
На мои поляны и луга.

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!
Июль 1925

Анна Ахматова

Реквием Вступление

Это было, когда улыбался
Только мертвый, спокойствию рад.
И ненужным привеском болтался
Возле тюрем своих Ленинград.
И когда, обезумев от муки,
Шли уже осужденных полки,
И короткую песню разлуки
Паровозные пели гудки.
Звезды смерти стояли над нами,
И безвинная корчилась Русь
Под кровавыми сапогами
И под шинами черных марушь.
1935-1940

Родная земля

*И в мире нет людей бесслезней,
Надменнее и проще нас.
(1922)*

В заветных ладанках не носим на груди,
О ней стихи навзрыд не сочиняем,
Наш горький сон она не бередит,
Не кажется обетованным раем.
Не делаем ее в душе своей
Предметом купли и продажи,
Хворая, бедствуя, немотствуя на ней,
О ней не вспоминаем даже.
Да, для нас это грязь на калошах,
Да, для нас это хруст на зубах.
И мы мелем, и месим, и крошим
Тот ни в чем не замешанный прах.
Но ложимся в нее и становимся ею,
Оттого и зовем так свободно — своюю.
Больница в Гавани, 1961

СТИХИ ТИМУРА КИБИРОВА О РОССИИ

Тимур Кибиров

* * *

Только вымолвишь слово «Россия»,
а тем более «Русь» — и в башку
тотчас пошлости лезут такие,
враки, глупости столь прописные,
и такую наводят тоску
графа Нулина вздорное чванство,
Хомякова небритая спесь,
барство дикое и мессианство —
тут как тут. Завсегда они здесь.
И еврейский вопрос, и ответы
зачастую еврейские тож,
дурь да придурь возводят наветы,
оппонируют наглость и ложь!
То Белинский гвоздит Фейербахом,
то Опискин Христом костерит!
Мчится с гиканьем,
лжётся с размахом,
постепенно теряется стыд.
Русь-Россия! От сих коннотаций
нам с тобою уже не сбежать.
Не РФ же тебе называться!
Как же звать? И куда ж тебя звать?

* * *

Ну, была бы ты, что ли, поменьше,
не такой вот вселенской квашней,
не такой вот лоханью безбрежной,
беспредел бы умерила свой —

чтоб я мог пожалеть тебя, чтобы
дал я отповедь клеветникам,
грудью встал, прикрывая стыдобу,
неприглядный родительский срам!

Но настолько ты, тетка, громадна,
так ты, баба, раскинулась вширь,
так просторы твои неоглядны,
так нагледен родимый пустырь,

так вольготно меж трех океанов
развалилась ты, матушка-пьянь,
что жалеть тебя глупо и странно,
а любить... да люблю я, отстань.
2000

Блоку жена.
Исаковскому мать.
И Долматовскому мать.
Мне как прикажешь тебя называть?
Бабушкой? Нет, ни хрена.

Тещей скорей. Малохольный зятек,
приноровиться я так и не смог
к норову, крову, нутру твоему
и до сих пор не пойму, что к чему.
Непостижимо уму.

Ошеломлен я ухваткой твоей
ширью морей разливанных и шей,
глубью заплывших, залитых очей,
высью дебелих грудей.

Мелет Емелька, да Стенька дурит,
Мара да хмара на нарах храпит,
Чара визжит-верещит.

Чарочка — чок, да дубинушка — хрясь!
Днесь поминаем, что пили вчерась,
что учудили надясь.
Ась, да Авось, да окстись.

Что мне в тебе? Ни аза, ни шиша.
Только вот дочка твоя хороша,
не по хорóшу мила.
В Блока, наверно, пошла.
2000